

DOI 10.25991/AE.2019.49.96.023
УДК 882

А. Л. Семенова

Доктор филологических наук, профессор Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого
e-mail: alsemenova@mail.ru

ПОВЕСТЬ М. ГОРЬКОГО «В ЛЮДЯХ» СКВОЗЬ ПРИЗМУ ИДЕЙ А. БОГДАНОВА

Статья посвящена анализу повести М. Горького «В людях» через рецепцию писателем идей А. Богданова. Концепция «собирания опыта», противостоящая «дроблению человека», стала для писателя близкой, так как она была созвучна собственному кредо. Автобиографические повести, написанные в 1910 году, создавались под влиянием идей эмпириомонизма, что проявилось на различных художественных уровнях текстов. В повести «В людях» писатель раскрывает основные черты мещанского мира: социальный, религиозный, этический индифферентизм.
Ключевые слова: М. Горький, А. Богданов, «В людях», эмпириомонизм, дробление человека, повесть, социальный, этический, религиозный.

A. L. Semenova

Story of M. Gorky "In People" through the prism of A. Bogdanov's ideas

The article is devoted to the analysis of M. Gorky's story "In People" through the mastering of A. Bogdanov's ideas by the writer. The concept of "gathering experience", opposing the "crushing of a person", became close for the writer, as it was consonant with its own credo. The autobiographical novels that were written in 1910 were created under the influence of the ideas of empirio-monism, which became noticeable at various artistic levels of the texts. In the story "In People", the writer reveals the main traits of philistinism: social, religious, ethical indifference.

Keywords: M. Gorky, A. Bogdanov, "In People", empirio-monism, crushing of a person, story, social, ethical, religious.

Влияние идей А. Богданова на М. Горького было не эпизодическим, как считалось в традиционном горьковедении, а чрезвычайно глубоким, так как эта философская система оказалась максимально близкой русскому писателю. В ней он увидел возможность реализации собственного кредо: человек-творец, своим трудом преобразующий жизнь. При этом для Горького значим был принцип коллективизма, а также идея «собирания опыта», как путь к социальному равенству людей [5].

Художественная проекция богдановских идей прослеживается не только в хрестоматийных текстах — статья «Разрушение личности» и повесть «Исповедь», но и в дальнейшем творчестве писателя — в окурловских повестях и биографической трилогии. Повесть «В людях» показывает, как писатель переосмысливает свое прошлое, при этом концептуально выстраивая художественные образы и детали.

Автобиографическая повесть М. Горького в контексте «окурловских» повестей писателя обретает «богдановское» звучание. Очевидна общность концепции в изображении мещанства как социально, этически и религиозно индифферентного сословия в повести «Детство», «В людях» и «Городок Окуров», «Жизнь Матвея Кожемякина». Во всех этих горьковских текстах прослеживается рецепция идей А. Богданова о «дроблении» человека.

В 1900-е годы М. Горький был искренне увлечен идеями А. Богданова (А. А. Малиновского). В письме философу М. Горький подчеркивал: «Вам суждено историей положить первые камни фундамента <...>

философии будущего, той философии, коя не только миропонимание, но именно ощущение связи с миром, той философии, которая должна возратить человека на его место — в центр процесса жизни, должна гармонировать его — изменить физически...» [8, с. 58] Горьковский антропоцентризм — как жизненное кредо писателя — получил обоснование в философской системе эмпириомонизма А. Богданова.

Под влиянием этих идей создавались повести М. Горького об Окурове [6]. Вывод, к которому подводит автор читателя «окурловских» повестей, неутешителен. «Окурловщина» — это индифферентизм: социальный, этический религиозный. Противопоставить разлагающему влиянию раздробленной мещанской среды можно только идеи коллективизма, единства опыта: «возвышение индивидуально-организованного до организованного социально <...> постоянно путем труда и путем познания» (А. Богданов) [1, с. 127–128].

Тема мещанства в творчестве М. Горького 1910-х годов начинает звучать еще более мощно, пронзительно, максимально лично в его автобиографических повестях: «Детство» (1914), «В людях» (1915–1916).

Повесть «Детство» раскрывает все многообразие и удушающую силу «свинцовых мерзостей русской жизни» [7], которые стали основным лейтмотивом повести, а затем получили дальнейшее раскрытие в повести «В людях».

В автобиографических повестях М. Горький раскрывает те же негативные стороны мещанской жизни, которые определяли специфику окурловско-

го бытия как социально-исторического феномена, который стал для писателя символом всей России.

Социальный индифферентизм.

Эта тема представлена во второй повести многоаспектно. Во-первых, дом деда, в который герой вынужден был вернуться. Живя вместе, дед с бабушкой ведут раздельное хозяйство, у них нет ничего общего: рассказчик подчеркивает, что каждый из них ест свое, изредка угощая друг друга. Автор подчеркивает, что семья деда Каширина раздробилась до полного распада семейных уз. Сыновья деда также несчастны — разорены и одиноки, Яков живет за счет своего сына. Бабушка поддерживает детей Михаила, которые нуждаются в ее участии. В повести «В людях», раскрывая образ бабушки, автор по-прежнему делает акцент на открытости героини миру и людям: она всем сочувствует, понимает, помогает. Этой чертой характера наделен и главный герой повести: «Хорошо в тебе то, что ты всем людям родня, — вот что хорошо!» [3, с. 449]. Неслучайно герой уже не Алеша, а Максимыч или Пешков, в этом выражается уважительное и дружеское отношение к нему людей.

Во-вторых, это дом сестры бабушки героя. В нем хозяин старший сын — чертежник. Он иногда с пониманием относится к главному герою, но жизнь его подчинена общим принципам мещанского мира. Рассказчик замечает: «Хозяева тоже считают себя лучшими в городе, они знают самые точные правила поведения и, опираясь на эти правила, неясные мне, судят всех людей безжалостно и беспощадно» [3, с. 263]. Семейство считает себя лучше всех других и свою жизнь — образцовой: квартира, набитая множеством вещей, которые должны демонстрировать достаток, но, как подчеркивает автор, не имеют никакого эстетического наполнения. При этом сам хозяин — человек слабавольный, находящийся под влиянием жены и матери. Только в конце повести мы видим этого персонажа легким и свободным, потому что его встреча с Максимычем происходит один на один, на берегу реки. В этой семье нет любви, уважения, понимания. Каждый живет своими интересами. Семейные связи здесь исключительно внешние, что подчеркивается в тексте молитвами матери хозяина и надрывной исповедью самого хозяина перед главным героем.

В-третьих, лавки, пароходы, иконописная мастерская, где приходится служить Алексею Пешкову. Во всех этих эпизодах повести сквозит основная мысль: все люди озабочены собственными мелкими частными интересами. Они не понимают других, лишь используют их для достижения своих, часто корыстных, целей: герой повести понимает после разговора с приказчиком из соседней церковной лавки: «выдаст меня этот человек!». Однако признается сам: «Но трудно было отказать, и я дал ему икону» [3, с. 452]. И чем одареннее человек, тем сложнее ему приспособиться к такой жизни, как например, сироте Павлу из иконописной мастерской. Это дает основание ав-

тору на грустное обобщение своего жизненного опыта: «Жутко вспомнить, сколько хороших людей бестолково погибли на моем веку! Все люди изнашиваются и — погибают, это естественно; но нигде они не изнашиваются так страшно быстро, так бессмысленно, как у нас, на Руси...» [3, с. 437]

В повести Горький показывает, что главное качество его героя-протагониста — интерес к людям, готовность на отклик, участие и сочувствие. Он ценит установившиеся связи с людьми, при этом понимая и принимая всю неизбежность разрыва их. Покидая иконописную мастерскую, Максимыч чувствует, что «нить, скрепляющая... с ними, как-то сразу перегнила и порвалась» [3, с. 460].

Ценностные ориентации героя радикально противоположны большинству персонажей повести, потому что ему важно доброе, сочувственное, бескорыстное отношение к людям, чем авторитарность, жестокость и расчетливость.

В автобиографической повести писатель подчеркивает трагическую раздробленность людей, у которых нет и не может быть солидаризирующей идеи, общего дела.

Как подчеркивает автор, показывая, казалось бы, творческий труд иконописцев: «Иконопись никого не увлекает; какой-то злой мудрец раздробил работу на длинный ряд действий, лишенных красоты, не способных возбудить любовь к делу, интерес к нему» [3, с. 421].

Единственное, что объединяет мастеровых, так это праздники, в которых раскрывается творческое в героях, и где они объединены общим чувством соучастия в праздничном настроении, или пение, в котором проявляется весь творческий потенциал героев, задавленных повседневной рутинной. Но эти радостные моменты редки. Основное настроение в повести, подчеркиваемое автором — одиночество героев, скука, грусть, тоска.

Уже в повести «Детство» автор показывал, как меняется жизнь главного героя, как разнообразнее становилось его общение и богаче жизненный опыт. В повести «В людях» мир главного героя раскрывается значительно шире родного города. Служба в лавках, на пароходе, в мастерской оставляет впечатления от общения с большим количеством совершенно случайных людей, которые остаются в памяти героя.

«В детстве я представляю сам себя ульем, куда разные простые, серые люди носили, как пчелы, мед своих знаний и дум о жизни, щедро обогащая душу мою, кто чем мог. Часто мед этот бывал грязен и горек, но всякое знание — все-таки мед» [2, с. 114], — замечает автор повести «Детство». Путь познания людей — это путь к людям, т. е. это то, что определяет единство опыта и активную социализацию людей, способных сообща решать свои проблемы и делать жизнь лучше. Однако во второй автобиографической повести Горький делает акцент на неспособности и нежелании людей менять свою жизнь: безразличие к своей жизни рождает безразличие

и к жизни как таковой. Наиболее полно эта мысль раскрыта в эпизоде иконописной мастерской: «Было множество дрянных мелочей, которые мешали жить, их можно было легко извести, но никто не делал этого» [3, с. 446]. Попытки героя что-то поменять в привычных вещах, встречали непонимание, а то и насмешки.

Авторитарность — главный принцип взаимоотношений между людьми, она разрушает даже семейные связи: между дедом и бабушкой, между дедом и внуком, между бабушкой и ее родной сестрой, между двоюродными братьями — Алешей и Сашкой.

Тема солидарности также прослеживается в повести. И в первую очередь она раскрывается в сценах со Смуром, Королевой Марго, прачкой Натальей. Но эти сцены тонут в общем повествовании о раздробленной жизни несчастных скучающих людей. Индивидуализм, эгоистичность героев не позволяет обнаружить социальные связи между ними, поэтому герои одиноки и несчастны.

Этический индифферентизм.

Тема жестокости как привычной формы взаимоотношения людей — проходит красной нитью через все повествование автобиографических повестей. Автор замечает в повести «Детство»: «Слишком обильна жестокостью темная жизнь «неумного племени» [2, с. 20].

В повести «В людях» множество сцен жестокости: драк, насилия над женщинами, издевательства над животными. И мотивировка этого поведения та же, что и в первой автобиографической повести: скука, пьянство. Горький пишет: «Долго спустя я понял, что русские люди, по нищете и скудости жизни своей, вообще любят забавляться горем, играют им, как дети, и редко стыдятся быть несчастными» [2, с. 152].

Автор повести «В людях» замечает: «По моим наблюдениям, родственники относятся друг ко другу хуже чужих: больше чужих зная друг о друге худого и смешного, они злее сплетничают, чаще ссорятся и дерутся» [3, с. 260].

Воровство в повести «В людях» также изображено амбивалентно, как и в предыдущей. Автор показывает, что его герой крепко знает, что воровать плохо. Однако в повести есть эпизоды, в которых по-разному раскрывается эта тема. От безысходности воруют кунавинские обитатели. В конце повести «Детство» автор признает: «Воровство в слободе не считалось грехом, являясь обычаем и почти единственным средством к жизни для полуголодных мещан» [2, с. 196]. Однако и в состоятельном мещанском мире воровство процветает: приказчики воруют у хозяев, работники у подрядчика. Хозяин, ставший подрядчиком на ярмарке, крадет оставленные в лавках вещи. Никто не считает это зазорным. Хотя все понимают, что это грех, аморальный поступок. И за этой аморальностью стоит жажда наживы.

Эти качества героев воспринимаются читателями повести как закономерные, потому что в мещанском мире отсутствует как таковое представление о добре и зле: в повседневности борьбы друг с другом мещане совершенно далеки от христианских заповедей, которые им хорошо известны.

Нравственное безразличие приводит к тому, что жестокость, злоба становятся будничными проявлениями человеческих взаимоотношений, добра и радость в принципе отсутствуют в мещанском раздробленном мире, который строится на основе жестких авторитарных норм и держится исключительно на страхе. Герой отстранен от этой жизни, он признается: «Меня давит эта жизнь, нищая, скучная, вся в суеде ради еды, и я живу, как во сне» [3, с. 276].

Религиозный индифферентизм.

Проблема «двух богов» подробно раскрыта в повести «Детство», а во втором автобиографическом произведении она получает продолжение. Алексей Пешков признается: «В церкви я не молился, — было неловко пред богом бабушки повторять сердитые дедовы молитвы и плачевные псалмы; я был уверен, что бабушкину богу это не может нравиться, так же, как не нравилось мне, да к тому же они напечатаны в книгах, — значит, бог знает их на память, как и все грамотные люди» [3, с. 277].

Семейство чертежника чтит исключительно внешнюю обрядовую ритуальную сторону христианства: мальчика регулярно отправляют в церковь, заставляют исповедоваться, делают на праздники скромные подарки. Но, по мысли главного героя: «Обе женщины (мать и жена хозяина. — А. С.) поклонялись сердитому богу моего деда, — богу, который требовал, чтобы к нему приступали со страхом; имя его постоянно было на устах женщин, — даже ругаясь, они грозили друг другу:— Погоди! Господь тебя накажет, он те скрючит, подлюю!...» [3, с. 280] Веры искренней, пронизывающей будничную жизнь героев, нет. Их отношение друг к другу далеко от христианской заповеди «любви к ближнему».

Даже идея Бога дробилась в мещанском повседневном обиходе. Рассказчик досадует, что жена и мать хозяина «вовлекали бога своего во все дела дома, во все углы своей маленькой жизни, — от этого нищая жизнь приобретала внешнюю значительность и важность, казалась ежечасным служением высшей силе. Это вовлечение бога в скучные пустяки подавляло меня...» [3, с. 281]

Только бабушка героя, чтобы поддержать разоряющегося деда и замолить его грехи перед Богом, подает тайную милостыню, тратя на это порой последние деньги.

Иконы как часть интерьера показаны в окуривших повестях. В повести «В людях» еще более тема икон десакрализована. Автор показывает скучный и однообразный, лишенный творческих и религиозных порывов, процесс изготовления икон. Не менее прозаично показано их назначение в сценах

из жизни церковной лавки, где служит главный герой.

Для приказчика икона — товар. Автор пишет: «Ему (покупателю. — А. С.) всё едино, где купить, лишь бы дешево, а в товаре он не понимает! Быстро шелкая дощечками икон, хвастаясь тонким знанием дела, он поучал меня: — Мстёрской работы — товар дешевый, три вершка на четыре — себе стоит... шесть вершков на семь — себе стоит...». Поучения старшего получают почти языческое значение, когда иконы уподобляются оберегам от напастей и менее всего связаны с сакральным смыслом изображенного: «Святых знаешь? Запомни: Вонифатий — от запоя; Варвара Великомученица — от зубной боли, нечаянная смерти; Василий Блаженный — от лихорадки, горячки...» [3, с. 398].

По убеждению А. Богданова, религия одна из форм принудительных норм в мещанском мире. Она утверждает дуалистические представления о человеке: о разделении души и тела. Потому она лишь закрепляла «дробление» человека. Неслучайно, что в вопросе веры принципиально разошлись философ и писатель, ведь для Горького, признававшего «смерть бога», важно было религиозное чувство, которое «есть радостное и гордое чувство сознания гармоничности уз, соединяющих человека со вселенной», и которое, по мнению писателя, «должно существовать, развиваться и способствовать совершенствованию человека» [8, с. 5–7]. И это чувство, возможно, было унаследовано от той веры, которою была полна бабушка писателя: любящей, сочувствующей, объединяющей.

Во второй повести также присутствует тема церкви. «В церкви было хорошо, я отдыхал там так же, как в лесу и поле. Маленькое сердце, уже знакомое со множеством обид, выпачканное злой грубостью жизни, омывалось в неясных горячих мечтах. Но я ходил в церковь только в большие морозы или когда вьюга бешено металась по городу...» [3, с. 278] — так повествует автор о своем герое. То есть церковь для героя повести — убежище от тягостной жизни на побегушках, но это место лишено для него сакрального, духовного смысла.

Как и в окуровских повестях Горький подчеркивает, что церковь — это привычная черта мещанского быта, и не более того, потому что евангельские заповеди никак не влияют на повседневную жизнь героев, поэтому в ней господствует этический индифферентизм.

В заключении повести автор исповедально говорит: «Вот вспоминаешь об этом и, содрогаясь в мучительном отвращении, удивляешься — как я не сошел с ума, не убил никого? Зачем я рассказываю эти мерзости? А чтобы вы знали, милостивые

государи, — это ведь не прошло, не прошло! Вам нравятся страхи выдуманные, нравятся ужасы, красиво рассказанные, фантастически страшное приятно волнует вас» [3, с. 524].

Автобиографический сюжет повести «В людях» давал Горькому полное право заявить: «А я вот знаю действительно страшное, буднично ужасное, и за мною неотрицаемое право неприятно волновать вас рассказами о нем, дабы вы вспомнили, как живете и в чем живете. Подлой и грязной жизнью живем все мы, вот в чем дело!» [3, с. 524]

Преодолением тяжелой и негативной правды жизни могло быть только солидарное желание людей сообща изменить ее на основе «единства опыта». А потому автор повести восклицает: «Я очень люблю людей и не хотел бы никого мучить, но нельзя быть сентиментальным и нельзя скрывать грозную правду в пестрых словечках красивенькой лжи. К жизни, к жизни! Надо растворить в ней всё, что есть хорошего, человеческого в наших сердцах и мозгах...» [3, с. 524].

Несмотря на личные разногласия с А. Богдановым, Горький и спустя годы остался верен тем идеям, которые когда-то сблизили писателя и философа. Он верил, что общими усилиями можно преодолеть социальный, этический и религиозный индифферентизм. Тогда возникнет общество, в котором не будет места страху, жестокости, тоске.

Горький полагал, что можно достичь того социального идеала, где на основе единства опыта, коллективизма и с верой в человека-творца будут вершиться великие дела на благо всех.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов А. Философия современного естествоиспытателя // Очерки философии коллективизма. СПб., 1909. 5. Горький М. Детство. ПСС. Т. 15. М., 1972. С. 9–210.
2. Горький М. Детство. ПСС. Т. 15. М., 1972. С. 9–210.
3. Горький М. В людях. ПСС. Т. 15. М., 1972. С. 211–530.
4. Луначарский А. Будущее религии // Образование. 1907. № 10. С. 1–25.
5. Семенова А. Л. Влияние эмпириомонистических идей А. Богданова на М. Горького / Семенова А. Л. Сопряжение идей... Сопряжение смыслов...: сб. статей. Великий Новгород, 2015. С. 97–123.
6. Семенова А. Л. «Окуровская Русь» М. Горького: к проблеме русского национального характера. Великий Новгород, 2003. 96 с.
7. Семенова А. Л. Повесть М. Горького «Детство» в контексте концепции «Окуровской Руси» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. Том 8 № 2 (27). Курск, 2018. С. 93–102.
8. Шеррер Ю. М. Горький и А. Богданов (История отношений по материалам переписки 1908–1910 гг.). // Неизвестный Горький. М. Горький и его эпоха. М., 1995. Вып. 4. С. 54–61.